

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СИСТЕМА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Д.А. ДОБРЯКОВ,

к.ю.н., старший преподаватель кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (г. Москва, Российская Федерация),
e-mail: dobryakov-d@rudn.ru

Уголовное законодательство Республики Корея, являющейся одним из наиболее развитых государств Восточной Азии и мира в целом, представляет большой исследовательский интерес в силу его недостаточной изученности зарубежными авторами и, в частности, представителями юридической науки стран СНГ и бывшего СССР. Особого внимания заслуживают институты южнокорейского уголовного законодательства, которые стали достаточно бурно развиваться после 1953 года, когда право Республики Корея постепенно освободилось от воздействия «внешних факторов» – влияния со стороны Китая, Японии и других стран. При этом до настоящего времени для уголовного законодательства Республики Корея существенное значение имеют собственные и региональные культурные (прежде всего – конфуцианские) традиции, нисколько не мешающие прогрессу общества и права страны. В данной статье анализируются основные этапы развития южнокорейского уголовного законодательства, его структура, представленная системой источников (Уголовный кодекс Республики Корея 1953 года, специальные уголовные законы и законы, содержащие отдельные положения

об уголовной ответственности), а также некоторые вопросы преступности и наказуемости запрещённых уголовным законодательством деяний.

Предметом исследования в данной статье являются основные особенности уголовного законодательства Республики Корея и система его источников, рассматриваемые в контексте исторического развития права этой страны и отдельных аспектов правоприменения. *Целью* исследования стал анализ соответствующих вопросов и обобщение полученных выводов. *Научная новизна* проведённого исследования обусловлена актуальностью избранной темы, а также широким использованием южнокорейского нормативного материала, обращением к судебной практике и доктринальным работам южнокорейских авторов на языке оригинала.

В ходе работы над статьёй были использованы формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой *методы научного исследования*. Выводы, сформулированные в статье, и само исследование имеют определённое *теоретическое значение* и могут послужить основой для последующего изучения вопросов уголовного права Республики Корея. *Практическое значение* данного

исследования состоит в том, что оно может быть использовано в учебном процессе и учтено в практической деятельности законодателей заинтересованных стран.

Ключевые слова: Республика Корея, уголовное право, уголовное законодательство, источники права, Уголовный кодекс, специальный уголовный закон, преступление, уголовная ответственность, уголовное наказание, сравнительное правоведение.

Введение

Сравнительно-правовые исследования представляют большой интерес для юридической науки, поскольку они позволяют расширить знания о законодательном и правоприменительном опыте других стран, который ценен сам по себе (за счёт обогащения правовой науки), но, кроме того, может быть использован в совершенствовании собственного законодательства. И не столь уж важно, каким оказался анализируемый зарубежный опыт – негативные примеры (то, как «не надо делать») не менее полезны для изучения, чем позитивные.

При этом в части сравнительно-правовых исследований юридическая наука стран СНГ и бывшего СССР традиционно сосредоточена, в первую очередь, на США и государствах Западной Европы, по-видимому полагая их законодательство и правоприменительную практику наиболее достойными исследовательского интереса. Вследствие подобного подхода право стран Восточной Азии (как и многих других стран) оказывается недостаточно изученным.

Отчасти это объясняется широкой доступностью западноевропейских и североамериканских нормативных и доктринальных источников, причём здесь нельзя игнорировать и языковой барьер – корейский язык (как, впрочем, и японский или, пусть и в меньшей степени, китайский) гораздо меньше знаком русскоязычной аудитории, чем, например, английский. Наконец, при ознакомлении с уголовным правом Республики Корея исследователю может показаться, что оно является «калькой» с уголовного права Японии, а значит и не должно рассматриваться отдельно.

Действительно, южнокорейское уголовное законодательство имеет много общего с японским (в условиях весьма «агрессивного» влияния Японской империи на все сферы жизни корейского общества с конца XIX века и до окончания Второй мировой войны иначе и быть не могло), однако его особенности и сравнительно длительный период самостоятельного развития, к настоящему времени насчитывающий уже около семидесяти лет, позволяет выделить уголовное законодательство Республики Корея в качестве самостоятельного предмета исследования.

Следует подчеркнуть, что помимо отдельных уголовно-правовых институтов и аспектов уголовно-правовых отношений (как то, например, ответственность за преступления против чести и достоинства, преступность несовершеннолетних и меры противодействия ей¹ и проч.), научный интерес представляют также и положения Общей части уголовного права Республики Корея и уголовное законодательство этой страны в целом, анализу которых посвящена данная статья.

¹См.: Мальцев А.А. Преступность несовершеннолетних в Республике Корея: криминологические, уголовно-правовые, уголовно-политические аспекты: автореф. дисс. ... кандидата юрид. наук: 12.00.08. Владивосток, 2009. – 30 с; Королева М.М. Преступления против чести и достоинства по уголовному праву Российской Федерации и стран АТР: Японии, Республики Корея и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ: автореф. дисс. ... кандидата юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2011. – 23 с.

Основные положения

К числу основных положений, которые будут рассмотрены и раскрыты в статье далее, следует отнести, прежде всего, то обстоятельство, что южнокорейское уголовное законодательство представляет собой не один кодифицированный закон, а систему источников, включающую в себя множество взаимосвязанных элементов, часть из которых представлена Уголовным кодексом Республики Корея 1953 года и специальными уголовными законами, а часть – отдельными положениями самых разнообразных нормативных правовых актов, устанавливающих уголовную ответственность за их нарушение с отсылкой к «основным» уголовно-правовым источникам.

Также заслуживает внимания сохранение в уголовном праве Республики Корея ряда «исторических» положений, восходящих к конфуцианской этической традиции (включая сыновнюю почтительность и особенности уголовной ответственности лиц с увечьями), признаваемых высшими судебными органами страны и имеющих место несмотря на последовательное совершенствование уголовного законодательства (т.е. южнокорейский законодатель не считает целесообразным исключать соответствующие положения из закона, лишь незначительно уточняя их сообразно требованиям времени).

Наконец, упоминания достойны вопросы преступности и наказуемости по уголовному законодательству Республики Корея, включающие, помимо прочего, оценку «сравнительной строгости» этого законодательства, которую можно проследить по распространённости различных наказаний в санкциях статей Особенной части Уголовного кодекса Республики Корея и специальных уголовных законов.

Материалы и методы

В представленном исследовании были использованы актуальные нормативные правовые акты и материалы судебной практики Республики Корея, опубликованные на корейском языке, а также научные работы, посвящённые отдельным институтам южнокорейского уголовного права и его особенностям.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, применённый для системного анализа южнокорейского уголовного законодательства, историко-правовой метод, при помощи которого были в общих чертах рассмотрены основные этапы эволюции уголовного законодательства Кореи, а также сравнительно-правовой метод, использованный для соотнесения уголовного законодательства Республики Корея, его отдельных положений и особенностей с соответствующим опытом других стран.

Результаты исследования

1. Основные этапы развития и «культурные» особенности уголовного законодательства Республики Корея

Вплоть до 1905 года в Корею не было кодифицированного уголовного законодательства, но ещё дольше – до 1953 года (если говорить только о южнокорейском государстве, т.е. о Республике Корея), здесь не было и подлинно «национального» закона (или совокупности законов), который регулировал бы вопросы преступности и наказуемости тех или иных деяний.

Долгое время государство и право Кореи находилось в зависимости от внешних факторов, выразившихся, прежде всего, в китайском или японском влиянии. Так, до 1905 года в государстве Чосон, номинально провозглашённом в 1897 году империей², основным источником уголовного права был китайский «Великий кодекс империи Мин, с пояснениями», перевод и адаптация которого к местным условиям была завершена чосонскими сановниками в 1389 году³. Однако этот закон не был кодексом в современном понимании этого термина (помимо прочего, ему не хватало системности и полноты).

В 1905 году чосонское правительство подписало с Японией договор о протекторате, вследствие чего Япония открыла в Сеуле генерал-резидентство и получила полный контроль над внешней политикой Кореи. При этом, разумеется, одними внешнеполитическими вопросами интересы японской администрации не ограничивались – в том же году была предпринята попытка обновить местное законодательство, которая в сфере уголовного права выразилась в принятии нового и, пожалуй, первого полноценного уголовного кодекса корейского государства, сочетавшего в себе положения старого китайско-корейского законодательства и японского Уголовного кодекса 1882 года (который был, в свою очередь, основан на французском Уголовном кодексе 1811 года).

Впрочем, всего через пять лет Япония аннексировала Корею, а ещё через три года (т.е. в 1913 году) Уголовный кодекс 1905 года был заменён действовавшим в то время японским Уголовным кодексом 1907 года (Закон № 45 от 24 апреля 1907 года⁴; следует отметить, что в Японии этот нормативный правовой акт не утратил силу до настоящего времени)⁵. Кодекс 1907 года действовал в Корее – единой, а затем и разделённой на северную и южную части – вплоть до 3 октября 1953 года, когда, наконец, был принят первый собственно корейский Уголовный кодекс Республики Корея (Закон № 293 от 18 сентября 1953 года)⁶.

Таким образом, формально современное уголовное законодательство Республики Корея начало развиваться с 1953 года, однако из этого не следует отрицание преемственности по отношению к ранее действовавшим нормативным правовым актам или культурным традициям Кореи. С принятием нового кодекса были отменены «старый закон», Закон о контрабанде и подделке иностранной валюты, Закон о запрете дуэлей, Закон о наказаниях за насильственные преступления, Закон о наказаниях за хищения, а также ряд специальных актов военной администрации Соединённых Штатов Америки, действовавшей на территории Кореи во время войны 1950-1953 годов, однако многие закреплённые в перечисленных документах идеи и решения были впоследствии учтены южнокорейским законодателем.

²Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 томах. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. М.: Наталис, 2011. С. 462.

³Bourgon J. and Roux P.-E. The Chosŏn Law Codes in an East Asian Perspective // The Spirit of Korean Law: Korean Legal History in Context. Edited by Marie Seong-Hak Kim. Leiden: Brill, 2016. P. 25.

⁴Penal Code, Act No. 45 of April 24, 1907 (Amendment of Act No. 72 of 2017) // URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?printID=&ft=2&re=2&dn=1&yo=penal+code>.

⁵Ryu P.K. The New Korean Criminal Code of October 3, 1953 – An Analysis of Ideologies Embedded in it // Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. 1957-1958. № 48. P. 275.

⁶Уголовный кодекс Республики Корея, в ред. закона № 17571 от 8 декабря 2020 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=223445> (на кор. яз.).

В то же время на протяжении многих веков в Корее была сильна конфуцианская этическая традиция, которая и сейчас сохраняет влияние на законодательство, суд и жизнь общества в целом.⁷ Например, ч. 1 ст. 250 Уголовного кодекса Республики Корея (далее – УК 1953 года) устанавливает ответственность за некавалифицированное убийство («человек, убивший другого человека, должен быть наказан смертной казнью, пожизненным лишением свободы либо лишением свободы с обязательным трудом на срок не менее пяти лет»). Вторая часть этой статьи содержит диспозицию одного из нескольких квалифицированных составов убийства, в соответствии с которым потерпевшим является «родственник по восходящей прямой линии» убийцы или его супруга/супруги (имеются в виду родители, бабушки или дедушки и проч.; другим составам убийства посвящены ст. 251-253 УК 1953 года и некоторые положения других нормативных правовых актов). Здесь же устанавливается и более строгая санкция – помимо смертной казни и пожизненного лишения свободы за убийство «старшего родственника» виновному альтернативно может быть назначено лишение свободы с обязательным трудом на срок не менее семи лет.

Разница в строгости наказания невелика, но символична, к тому же, исходя из видов альтернативных наказаний и срока лишения свободы, именно убийство старшего родственника (или проще говоря – «отцеубийство») рассматривается южнокорейским законодателем в качестве наиболее тяжкого насильственного посягательства на жизнь человека, которое может быть совершено гражданином в обычных условиях (т.е. не во время прохождения военной службы, не при совершении изнасилования или не в иных отягчающих ответственность обстоятельствах).

На причину этого прямо указал Конституционный Суд Республики Корея в решении № 267 от 25 июля 2013 года: «Со времён династии Чосон и до сих пор отцеубийство (убийство собственного родственника по прямой восходящей линии) карается как деяние, совершённое с отягчающими обстоятельствами, что обусловлено конфуцианскими ценностями и традиционными идеями, подчёркивающими сыновий долг».⁸ Также Конституционный Суд подчеркнул, что «Отцеубийство воспринимается как аморальное преступление, противоречащее нормам общества, нравственности и человечности. Его аморальность обуславливает большую выраженность общественного осуждения в сравнении с обычным убийством», причём «уважение и любовь детьми родителей относятся к числу фундаментальных ценностей, составляющих основу социальной морали корейского общества, а не являются культурным пережитком феодальной семейной системы».

Здесь уместно заметить, что поддержка южнокорейским законодателем конфуцианского принципа «сыновней почтительности» выражается не только в установлении повышенной уголовно-правовой защиты жизни старших родственников, но и в иных формах. В частности, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Корея (Закон № 341 от 23 сентября 1954 года)⁹ прямо запрещает подачу заявления

⁷Kim M.S.-H. Constitutional Jurisprudence on Filial Piety in Korea // Confucianism, Law and Democracy in Korea. Lanham, M.D.: Rowman & Littlefield International, 2015. P. 58.

⁸The Constitutional Court of Korea decision № 2011Hun-Ba267 on Aggravated Punishment on Parricide // URL: <https://english.court.go.kr/site/eng/decisions/casesearch/caseSearchPop.do>.

⁹Уголовно-процессуальный кодекс Республики Корея, в ред. закона № 16924 от 4 апреля 2020 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=213829> (на кор. яз.).

о совершении преступления в отношении родителей или других родственников по прямой восходящей линии (ст. 224).

Другим проявлением следования традиции (вероятно, также конфуцианской) является закрепление в ст. 11 УК 1953 года требования о смягчении наказания для лиц, имеющих расстройство слуха или речи. Не вполне понятно, почему законодатель выделил в одной норме только эти два расстройства здоровья в качестве смягчающих обстоятельств (ведь есть ещё, например, слепота, на что обращают внимание южнокорейские авторы, предлагающие расширить соответствующую норму¹⁰), однако смягчение или даже освобождение от уголовной ответственности лиц, имеющих расстройство слуха или речи является типичным для стран Восточной Азии – соответствующее положение закреплено также и в китайском уголовном законодательстве, являясь проявлением принципа гуманизма (который, правда, не провозглашается в законе прямо).¹¹

Более того, в изначальной редакции УК 1953 года ст. 11 устанавливала, что «наказание подлежит смягчению в отношении глухонемых лиц», т.е. распространялось только на лиц, имевших одновременно расстройство слуха и речи. При этом данное смягчающее обстоятельство не является строго обязательным для применения – суд может проигнорировать его в случаях, когда тяжесть содеянного лицом достаточно велика. Например, гражданин, страдающий глухотой, в период с 2006 по 2010 год шестикратно допустил «насильственное растление» своей падчерицы, не достигшей к тому времени шестнадцатилетнего возраста. Он был осуждён к двум годам лишения свободы с обязательным трудом (и отсрочкой исполнения наказания на три года с установлением испытательного срока), однако счёл приговор слишком строгим (суд не принял во внимание наличие у него расстройства здоровья, предусмотренного ст. 11 УК 1953 года) и обратился с апелляционной жалобой в вышестоящую судебную инстанцию. Отклоняя жалобу, Высокий суд Сеула указал следующее: «Учитывая серьезность и тяжесть преступления, а также тот факт, что потерпевшая должна была пережить значительный психологический шок в момент совершения каждого посягательства на её половую неприкосновенность, обвиняемый заслуживает суровой кары», тем более, что «апеллянт был признан виновным в совершении двух и более актов насилия против половой неприкосновенности потерпевшей, а риск повторного совершения подобного преступления сохраняется до настоящего времени». ¹² Таким образом, применение рассматриваемого смягчающего обстоятельства отдано на усмотрение суда.

2. Система уголовного законодательства Республики Корея

В отличие от уголовного законодательства России, Казахстана и других стран бывшего СССР законодательство Республики Корея не содержит требования об обязательном включении всех положений, устанавливающих преступность и на-

¹⁰Cho H.-W. The problem and improvement plan of necessary reduction regulations for a deaf-mute in Article 11 of the Criminal Act // Legislation. 2018. No. 684. P. 151-156 (на кор. яз.).

¹¹Сабитов Т.Р. Принципы уголовного права стран Дальнего Востока: сравнительно-правовой анализ на примере КНР, Японии и КНДР // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 1 (4). С. 77.

¹²Решение Высокого суда Сеула № 2011-2069 от 6 октября 2011 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/precInfoP.do?mode=0&precSeq=167107> (на кор. яз.).

казуемость деяний, в единый кодифицированный акт. В соответствии с ч. 1 ст. 1 УК 1953 года «преступность и наказуемость деяния должна быть установлена законом, действующим во время совершения этого деяния», причём каким именно законом – в данной норме не уточняется (для сравнения уместно обратиться к ч. 1 ст. 1 УК Российской Федерации и ч. 1 ст. 1 УК Республики Казахстан), зато в ст. 8 закреплено правило, согласно которому основные положения УК 1953 года применяются к преступлениям, предусмотренным другими законами.

Вследствие этого современное уголовное законодательство Республики Корея фактически состоит из множества нормативных правовых актов, которые часто, на первый взгляд, вообще не имеют касательства к сфере уголовно-правовых отношений. Безусловно, УК 1953 года является базовым законом, регламентирующим основы уголовной ответственности и устанавливающим преступность и наказуемость большинства запрещённых в стране общественно опасных деяний, однако помимо него в систему уголовного законодательства Республики Корея входят также несколько специальных уголовных законов, а именно – Военный уголовный закон (№ 1003 от 20 января 1962 года)¹³, Закон о национальной безопасности (№ 3318 от 31 декабря 1980 года)¹⁴, Закон об ответственности за насильственные преступления (№ 625 от 20 июня 1961 года)¹⁵, Закон об ответственности за преступления против половой свободы личности (№ 11556 от 18 декабря 2012 года)¹⁶ и Закон о предотвращении торговли наркотиками (№ 5011 от 6 декабря 1995 года)¹⁷, причём приведённый перечень не является исчерпывающим (отдельные специальные законы посвящены также ответственности за экономические и коррупционные преступления, посягательства на несовершеннолетних и проч.).

Эти законы содержат, помимо прочего, положения о преступлениях, не вошедших в УК 1953 года (например, о преступлениях против военной службы, совершаемых военнослужащими в мирное и военное время), об усилении ответственности за отдельные деяния или способы их совершения, включая систематическое совершение преступлений в соучастии (так, целью Закона об ответственности за насильственные преступления является «установление ответственности лиц, которые коллективно или привычно совершают насильственные преступления, в том числе с использованием оружия»; ст. 1), о дополнительных правилах назначения наказаний и проч.

При этом все перечисленные специальные уголовные законы, кроме Военного уголовного закона, в большинстве случаев ссылаются на соответствующие положения УК 1953 года, дополняя или уточняя их. В свою очередь Военный уголовный закон таких ссылок практически не содержит (одним из исключений являет-

¹³Военный уголовный закон Республики Корея, в ред. закона № 14183 от 29 мая 2016 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=183550> (на кор. яз.).

¹⁴Закон Республики Корея о национальной безопасности, в ред. закона № 13722 от 6 января 2016 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=179033> (на кор. яз.).

¹⁵Закон Республики Корея об ответственности за насильственные преступления, в ред. закона № 13718 от 6 января 2016 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=178989> (на кор. яз.).

¹⁶Закон Республики Корея об ответственности за преступления против половой свободы личности, в ред. закона № 17507 от 20 октября 2020 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=222439> (на кор. яз.).

¹⁷Закон Республики Корея о предотвращении торговли наркотиками, в ред. закона № 17826 от 5 января 2021 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=228085> (на кор. яз.).

ся, например, ст. 75, устанавливающая повышенную ответственность за хищение оружия, боеприпасов и прочего военного имущества), однако широко использует в своих санкциях наказания, предусмотренные УК 1953 года. Впрочем, «гражданская» смертная казнь в Республике Корея исполняется через повешение (ст. 66 УК 1953 года), а «военная» – через расстрел (ст. 3 Военного уголовного закона), но остальные наказания (пожизненное лишение свободы, лишение свободы с обязательным трудом на определённый срок и штраф) являются в достаточной степени «универсальными», хотя применение этих мер в отношении военнослужащих в среднем оказывается более строгим, поскольку их обязанность по защите отечества провозглашена «священным долгом», который они нарушают, преступая закон.¹⁸

Несколько двойственное положение имеет Закон об ответственности за проступки (№ 11401 от 21 марта 2012 года).¹⁹ С одной стороны, это своеобразный аналог российского или казахстанского кодекса об административных правонарушениях, основной целью которого провозглашена «защита свободы и прав граждан, а также содействие поддержанию общественного порядка путём закрепления видов проступков и установления наказаний за их совершение» (ст. 1). В этом законе ни разу не упоминается УК 1953 года, приводится перечень проступков, определяется круг лиц, подпадающих под его действие (это может быть любой человек, достигший восемнадцатилетнего возраста (тогда как по общему правилу уголовной ответственности в Республике Корея подлежит лицо, которое достигло к моменту совершения преступления четырнадцати лет; ст. 9 УК 1953 года), совершивший ненасильственное деяние и проч.; ст. 6), а также устанавливаются специальные правила применения наказаний.

С другой стороны, именно наказания и позволяют включить Закон об ответственности за проступки в систему уголовного законодательства Республики Корея, поскольку все три предусмотренных этим законом наказания (это штраф, арест и малый штраф) терминологически и содержательно восходят к соответствующим положениям УК 1953 года (пусть и с оговоркой для штрафа – по общему правилу он назначается в размере не менее 50 тыс. вон и без ограничения предельного размера (ст. 45 УК 1953 года), тогда как применительно к проступкам максимальный размер штрафа составляет 100 тыс. вон (ч. 1 ст. 3 Закона об ответственности за проступки)).

Также во многих (если не во всех) законах Республики Корея есть отдельные положения об уголовной ответственности за нарушение норм, этими законами установленных. Например, в соответствии со ст. 15 Закона о зарубежной миграции (№ 1030 от 9 марта 1962 года)²⁰ лица, занимающиеся посредничеством в сфере зарубежной миграции (т.е. содействующие проникновению иностранных граждан на территорию Республики Корея) без надлежащей регистрации своей деятельности или использовавшие труд иностранных мигрантов с нарушением их регистрации, должны быть привлечены к уголовной ответственности и подвергнуты наказанию в виде лишения свободы с обязательным трудом на срок до пяти лет или штрафа в

¹⁸Chang Y.S. Request for Innovation & Development of Military Justice // Korea Law Review. 2010. No. 56. P. 336 (на кор. яз.).

¹⁹Закон Республики Корея об ответственности за проступки, в ред. закона № 14908 от 24 октября 2017 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=198226> (на кор. яз.).

²⁰Закон Республики Корея о зарубежной миграции, в ред. закона № 17308 от 26 мая 2020 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=218131> (на кор. яз.).

размере до 50 млн. вон. Аналогичным образом устанавливается уголовная ответственность в Законе о предпринимательстве в области мультимедийного интернет-вещания (№ 8849 от 17 января 2017 года)²¹ – любое из перечисленных в ст. 27 этого закона нарушений (осуществление вещания без получения разрешения, злоупотребление положением на рынке и проч.) наказывается лишением свободы с обязательным трудом на срок до двух лет или штрафом в размере до 30 млн. вон.

Но законы не всегда содержат прямое указание на запрет определённых действий или устанавливают виды и меры наказаний, порой касаясь вопросов уголовной ответственности лишь косвенно. Например, Закон о науке и технологиях (№ 6353 от 16 января 2001 года)²², направленный на содействие «развитию национальной экономики путём внедрения инноваций в науку и технику и укрепления конкурентоспособности страны за счёт создания основы для развития науки и техники, а также дальнейшего повышения уровня жизни населения и развития общества», относит руководителей и сотрудников созданного во исполнение данного закона Корейского института оценки и планирования науки и техники (KISTEP) к числу «государственных служащих» (ст. 36). Это сделано для того, чтобы распространить на них действие статей 129-132 УК 1953 года, устанавливающих ответственность за коррупционные преступления (получение, требование или обещание взятки и проч.).

3. Преступление и наказание по Уголовному кодексу Республики Корея 1953 года

Как уже отмечалось ранее, основным источником уголовного права Республики Корея и, следовательно, фундаментом системы национального уголовного законодательства является Уголовный кодекс 1953 года, поэтому представляется целесообразным несколько подробнее остановиться на отдельных его положениях, касающихся институтов преступления и наказания.

Первое, на что в этой связи можно обратить внимание, это отсутствие в УК 1953 года определения преступления (как, впрочем, и определений многих других терминов). Поэтому преступлением в Республике Корея следует считать любое деяние, запрещённое под угрозой наказания уголовным законодательством. При этом субъектом преступления по общему правилу является вменяемое (дееспособное и достигшее четырнадцатилетнего возраста; ст. 9, 10 УК 1953 года) физическое лицо, тогда как юридическое лицо, опять-таки по общему правилу, субъектом преступления по южнокорейскому уголовному законодательству быть не может.

В то же время отдельные законы допускают привлечение юридических лиц к уголовной ответственности наравне с физическими лицами, а точнее – в дополнение к ним. Например, в соответствии со ст. 55 Закона о медицинских изделиях (№ 10564 от 7 апреля 2011 года)²³ «если представитель организации или индивидуального предпринимателя, её сотрудник или иное физическое лицо, нанятое

²¹Закон Республики Корея о предпринимательстве в области мультимедийного интернет-вещания, в ред. закона № 18735 от 11 января 2022 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=239269> (на кор. яз.).

²²Закон Республики Корея о науке и технологиях, в ред. закона № 18727 от 11 января 2022 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=239295> (на кор. яз.).

²³Закон Республики Корея о медицинских изделиях, в ред. закона № 18446 от 17 августа 2021 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=234037> (на кор. яз.).

организацией или индивидуальным предпринимателем, совершает какие-либо нарушения, предусмотренные ст. 51-54 Закона о медицинских изделиях при ведении деловых операций организации или индивидуального предпринимателя, организация или индивидуальный предприниматель подлежат штрафу в дополнение к наказанию непосредственного нарушителя». Поэтому, если представитель организации получил для неё разрешение на производство медицинских изделий или осуществил их сертификацию «мошенническим или иным незаконным путём», он подлежит наказанию в виде лишения свободы с обязательным трудом на срок до пяти лет либо штрафа в размере до 50 млн. вон (ст. 51), тогда как организация, в интересах которой было совершено преступление, может также быть обязана (по усмотрению суда и с учётом обстоятельств дела²⁴) уплатить штраф в том же размере (если только не будет установлена добросовестность организации, т.е. факт того, что ей осуществлялись все необходимые мероприятия для контроля за действиями её представителя, сотрудника и проч.; ст. 55).

Таким образом, южнокорейское уголовное законодательство не позволяет подменить виновное в непосредственном совершении преступления физическое лицо юридическим лицом, однако в целях усиления ответственности за совершение отдельных преступлений устанавливает возможность наказания юридических лиц в дополнение к субъекту преступления – физическому лицу. И следует подчеркнуть, что такая ответственность может быть выражена только в форме штрафа, поскольку ни УК 1953 года, ни иные содержащие уголовно-правовые положения законы не предусматривают специальных наказаний для юридических лиц (которыми могут быть приостановление деятельности, ликвидация и проч.).

Что касается наказаний, то южнокорейский законодатель выделяет девять их видов, среди которых смертная казнь, лишение свободы с обязательным трудом («каторжные работы»), лишение свободы без обязательного труда (тюремное заключение), лишение прав (дисквалификация), приостановление прав, штраф, арест, малый штраф и конфискация имущества (ст. 41 УК 1953 года). Строгость этих мер в целом соответствует порядку их расположения в ст. 41, причём идёт от наибольшей (смертная казнь) к наименьшей (малый штраф и конфискация имущества), однако в законе есть оговорка для разных видов лишения свободы – фактически лишение свободы с обязательным трудом и лишение свободы без обязательного труда различаются по степени строгости только при назначении этих наказаний на одинаковый срок (в таком случае каторжные работы окажутся более строгим наказанием, чем тюремное заключение). При назначении этих наказаний на различные сроки, то из них будет строже, срок которого окажется больше (ч. 1 ст. 50 УК 1953 года).

Следует отметить, что два наказания из числа перечисленных, имеют особенное положение. Первое – это, конечно же, *смертная казнь*, которая с 1998 года не исполняется, хотя соответствующие приговоры и продолжают выноситься в исключительных случаях (с 2010 года это происходит в среднем менее двух раз в год)²⁵. Вследствие введённого моратория лица, осуждённые к казни, оказываются в положении правовой неопределённости, бессрочно ожидая казни, которая

²⁴Решение Верховного Суда Республики Корея № 2015-10388 от 1 августа 2018 года // URL: <https://www.law.go.kr/LSW/precInfoP.do?mode=0&precSeq=201285> (на кор. яз.).

²⁵Han Y.S. A study on the introduction of the new Life-Imprisonment as an alternative punishment to the death penalty // Korean Journal of Criminology. 2021. No. 3 (33). P. 97-99 (на кор. яз.).

не может состояться, в максимально строгих условиях содержания, что вызывает критику со стороны правозащитных организаций и международного сообщества.

Второе наказание – *конфискация имущества*, которая выражается в полном или частичном изъятии любых предметов, не принадлежащих никому, кроме виновного, и никем, кроме него, не приобретённых, если такие предметы были предназначены или использованы для осуществления преступных действий, а равно произведены или приобретены (получены) в результате совершения таких действий (ч. 1 ст. 48 УК 1953 года). В ситуации, когда подлежащие конфискации предметы не могут быть изъяты, в казну государства должна быть уплачена их стоимость (ч. 2 ст. 48 УК 1953 года), а если конфискации подлежат носители информации (документы, электронные носители, ценные бумаги и проч.), такие носители изымаются и уничтожаются (ч. 3 ст. 48 УК 1953 года).

Особенность конфискации состоит в том, что при наличии оснований (т.е. подпадании имущества под любую из категорий подлежащих конфискации предметов) эта мера может применяться до вынесения обвинительного приговора суда (ст. 49 УК 1953 года), в связи с чем она рассматривается не только в качестве наказания, но и как превентивная мера уголовно-правового характера. Кроме того, при последующем вынесении оправдательного приговора потенциально может возникнуть неразрешимая коллизия, особенно в случае, если имущество было не только изъято, но уже и уничтожено.

Отдельно уместно обратить внимание на то обстоятельство, что в уголовном законодательстве Республики Корея не выделяется в качестве отдельного наказания пожизненное лишение свободы. Оба вида лишения свободы, которые входят в южнокорейскую систему наказаний, могут назначаться бессрочно (т.е. пожизненно) или на определённый срок, который составляет от одного месяца до тридцати лет, причём в случае наличия отягчающих обстоятельств срок лишения свободы может быть продлён до пятидесяти лет (ст. 42 УК 1953 года).

Обсуждение

Как уже отмечалось ранее, уголовное законодательство Республики Корея состоит из множества источников и отдельных норм, составляющих его систему. Представляется, что полностью кодифицированное и, можно сказать, обособленное уголовное законодательство России и Казахстана должно быть удобнее для применения (и, конечно же, соблюдения), однако это лишь вопрос разницы в юридической технике.

Характерным для южнокорейского уголовного законодательства является сохранение ряда имеющих старинные конфуцианские корни институтов, которые при первичном ознакомлении могут показаться архаичными. Однако важно, что законодатель и высшие судебные органы Республики Корея эти институты такими не считают, относясь с уважением к выраженному в нормах закона наследию национальной культуры и подчёркивая, помимо прочего, что установленная такими нормами повышенная ответственность за посягательство на жизнь старших родственников призвана защитить не только отдельного человека, но и нормальные семейные отношения.

Следует отметить также и дискуссионность подхода южнокорейского законодателя к уголовной ответственности юридических лиц. Сама по себе идея включения организаций (т.е. юридических фикций, в любом случае представляющих собой совокупность физических лиц, осуществляющих предпринимательскую или

иную деятельность и, следовательно, несущих ответственность за «решения и поступки» организации) в число возможных субъектов преступления заслуживает критики и, в общем-то, не находит прямого выражения в законодательстве Республики Корея – ни одна из норм Общей части (причём не только УК 1953 года, но и всех остальных специальных и «неуголовных» источников уголовного права) не содержит указания на возможность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности.

Однако ещё большую критику может вызвать принятое в итоге компромиссное решение о допустимости назначения наказания юридическим лицам в дополнение к основному субъекту преступления – человеку. Такое решение позволяет усилить уголовно-правовую защиту отдельных областей жизнедеятельности общества, однако идёт вразрез с общеправовыми принципами справедливости и недопустимости двойной ответственности за одно и то же деяние (впрочем, южнокорейское уголовное законодательство таких принципов не содержит, хоть и фактически подчиняется им в большинстве случаев).

Ненамного лучше было бы установление субсидиарной ответственности юридических лиц, реализуемой тогда, когда не удалось исполнить наказание в отношении физического лица (например, если назначенный за совершение преступления штраф не уплачен физическим лицом в полном объёме, а его принудительное взыскание невозможно, оставшаяся часть наказания могла бы быть обращена на соответствующее (аффилированное с осуждённым гражданином) юридическое лицо. Тем не менее, южнокорейский законодатель имел цель не в гарантированности полного исполнения наказания, а именно в усилении ответственности, что и было достигнуто, пусть и весьма неоднозначным образом.

Впрочем, в отсутствие специальных наказаний для юридических лиц, модель их уголовной ответственности в Республике Корея является несколько упрощённым аналогом ответственности организаций на основании положений российского законодательства об административных правонарушениях. В частности, ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ устанавливает, что «назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо».

Это, как представляется, также можно назвать примером двойной ответственности за одно и то же правонарушение, пусть и установленной разными отраслями права. В свою очередь, южнокорейское законодательство не имеет чёткого деления на уголовное право и право об административных правонарушениях (здесь уместно упомянуть Закон об ответственности за проступки), что не позволяет дать однозначную критическую оценку ответственности юридических лиц в Республике Корея без проведения отдельного исследования.

Заключение

Резюмируя изложенное, следует, как представляется, остановиться ещё на двух важных чертах южнокорейского законодательства. Во-первых, ему формально свойственна высокая степень строгости – здесь достаточно обратить внимание на максимальную продолжительность срочного лишения свободы (и сравнить её с тридцатью пятью и тридцатью годами лишения свободы по УК Российской Федерации и УК Республики Казахстан, соответственно) и то обстоятельство, что

в одном только УК 1953 года смертная казнь встречается в семнадцати статьях (это разжигание гражданской войны, мятеж, шпионаж в пользу врага (южнокорейское законодательство периодически прибегает к подобной терминологии, причём под «врагом» в большинстве случаев имеется в виду, вероятно, Корейская Народно-Демократическая Республика), убийство, включая убийство при изнасиловании, убийство заложников и проч. деяния), тогда как есть ещё, помимо прочего, Военный уголовный закон и Закон о национальной безопасности, в которых смертная казнь установлена ещё почти в полусотне статей (в совокупности).

При этом в ряде санкций статей УК 1953 года и некоторых специальных уголовных законов смертная казнь выступает безальтернативным наказанием. Например, ст. 93 УК 1953 года устанавливает безальтернативную смертную казнь за переход на сторону врага и участие в боевых действиях против Республики Корея, а ст. 18 Военного уголовного закона предусматривает аналогичную санкцию для «командира, который без уважительной причины инициирует сражение против иностранного государства». Однако чаще санкции содержат несколько альтернативных наказаний и, если говорить только о достаточно тяжких преступлениях, то наравне со смертной казнью южнокорейский законодатель в большинстве случаев закрепляет лишение свободы пожизненно и лишение свободы с обязательным трудом на определённый срок, причём в продолжительности последнего кроется, можно сказать, гармонизирующий строгость уголовного законодательства этого же законодательства гуманизм.

Так, срок лишения свободы с обязательным трудом, альтернативный смертной казни и лишению свободы пожизненно, обычно устанавливается от пяти или семи лет – в таких санкциях законодатель не указывает верхнюю границу наказания, которая, таким образом, ограничивается общими рамками, определёнными в ст. 42 УК 1953 года (т.е. не более тридцати лет в обычной ситуации и пятидесяти лет при наличии отягчающих обстоятельств). Например, создание «антигосударственной организации», управление её деятельностью или участие в ней влечёт за собой наказание в виде смертной казни, пожизненного лишения свободы или лишения свободы с обязательным трудом на срок не менее пяти лет (п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона о национальной безопасности), а использование взрывчатки, повлекшее причинение вреда жизни, здоровью или имуществу гражданина либо нарушение общественного порядка, наказывается смертной казнью, пожизненным лишением свободы или лишением свободы с обязательным трудом на срок не менее семи лет (ст. 119 УК 1953 года). Также срок лишения свободы, альтернативный смертной казни или пожизненному лишению свободы, может устанавливаться и от десяти лет, однако такие статьи достаточно редки, как то, помимо прочего, оставление часовым своего поста на стационарном объекте обороны «перед лицом врага», т.е. во время военных действий (ст. 28 Военного уголовного закона; ни одной подобной санкции нет в УК 1953 года, а в Военном уголовном законе они в общей сложности встречаются десять раз).

Во-вторых, уголовному законодательству Республики Корея свойственна достаточно высокая степень стабильности, которую наглядно демонстрируют количество и периодичность изменений, вносимых в УК 1953 года. С момента принятия этого кодекса, т.е. за почти шестьдесят девять лет, поправки в него вносились всего лишь двадцать два раза (в первый раз в 1975 году и в последний (на момент написания данной статьи) – в 2020 году). Для сравнения, в УК Российской Федерации, принятый только в 1996 году, поправки вносились двести семьдесят шесть

раз с 1998 по 2021 год (иногда по двадцать пять раз в течение одного года, как это имело место в 2014 году), а в принятый в 2014 году УК Республики Казахстан – сорок шесть раз с 2014 по 2021 год. Представляется, что такое отношение к уголовному законодательству, свидетельствующее о системности (и осторожности) подхода южнокорейского государства к его развитию, более чем достойно внимания, в том числе и со стороны законодателей других стран.

Д.А. Добряков, з.ғ.к., Ресей халықтар достығы университеті Заң институтының сот билігі және құқық қорғау қызметі кафедрасының аға оқытушысы (Мәскеу қ., Ресей Федерациясы): Корея Республикасының қылмыстық заңнамасының жалпы сипаттамасы және жүйесі.

Шығыс Азияның және жалпы әлемнің ең дамыған мемлекеттерінің бірі болып табылатын Корея Республикасының қылмыстық заңнамасы шетелдік авторлардың, атап айтқанда, ТМД елдері мен бұрынғы КСРО заң ғылымының өкілдерімен жеткіліксіз зерделенуіне байланысты үлкен зерттеушілік қызығушылық тудырады. 1953 жылдан кейін Корея Республикасының құқығы біртіндеп «сыртқы факторлардың» ықпалынан – Қытай, Жапония және басқа елдердің әсерінен арылған кезде қарқынды дами бастаған Оңтүстік Корея қылмыстық заңнамасының институттары ерекше назар аударуға лайық. Бұл ретте осы уақытқа дейін Корея Республикасының қылмыстық заңнамасы үшін қоғамның және ел құқығының ілгерілеуіне еш кедергі келтірмейтін өзіндік және аймақтық мәдени (ең алдымен – конфуцилық) дәстүрлердің маңызы зор. Мақалада Оңтүстік Кореяның қылмыстық заңнамасының дамуының негізгі кезеңдері, оның қайнар көздер жүйесімен (Корея Республикасының 1953 жылғы Қылмыстық кодексі, арнайы қылмыстық заңдар және қылмыстық жауапкершілік туралы жекелеген ережелерді қамтитын заңдар) ұсынылған құрылымы, сондай-ақ қылмыстық заңмен тыйым салынған әрекеттердің қылмыстылығы мен жазаланушылығының кейбір мәселелері талданады.

Осы мақаланың зерттеу пәні Корея Республикасының қылмыстық заңнамасының негізгі ерекшеліктері және осы елдің құқығының тарихи дамуы және құқық қолданудың жекелеген аспектілері тұрғысынан қарастырылатын оның қайнар көздерінің жүйесі болып табылады. Зерттеудің мақсаты тиісті мәселелерді талдау және алынған қорытындыларды жалпылау болды. Зерттеудің ғылыми жаңалығы тандалған тақырыптың өзектілігімен, сондай-ақ Оңтүстік Кореяның нормативтік материалдарының кеңінен қолданылуымен, сот практикасына және Оңтүстік Корея авторларының түпнұсқа тілдегі доктриналық жұмыстарына жүгінумен айқындалады.

Мақала жазу барысында ғылыми зерттеудің формальды-құқықтық, тарихи-құқықтық және салыстырмалы-құқықтық әдістері қолданылды. Мақалада тұжырымдалған қорытындылар мен зерттеудің өзі белгілі бір теориялық маңызға ие және Корея Республикасының қылмыстық құқығы мәселелерін одан әрі зерттеуге негіз бола алады. Бұл зерттеудің практикалық маңызы оны оқу процесінде қолдануға және мүдделі елдердің заң шығарушыларының практикалық қызметінде ескеруге болатындығынан көрінеді.

Тірек сөздер: Корея Республикасы, қылмыстық құқық, қылмыстық заңнама, құқықтың қайнар көздері, Қылмыстық кодекс, арнайы қылмыстық заң, қылмыс, қылмыстық жауаптылық, қылмыстық жаза, салыстырмалы құқықтану.

D.A. Dobryakov, PhD / Candidate in Law, Senior Lecturer of the Department of Judicial Power, Law-Enforcement and Human Rights Activities, Law Institute, RUDN University (Moscow, the Russian Federation): General characteristics and system of the Republic of Korea criminal legislation.

The criminal legislation of the Republic of Korea, which is one of the most developed countries in East Asia and the world as a whole, is of great research interest due to its insufficient study by foreign authors and, in particular, representatives of the legal science of the CIS and the former USSR countries. Especially noteworthy are the institutions of South Korean criminal law, which began to develop quite rapidly after 1953, when the law of the Republic of Korea was gradually freed from the influence of «external factors» – influence from China, Japan and other states. At the same time, up to the present, the own and regional cultural (primarily Confucian) traditions have significant importance for the Korean criminal legislation, and that in no way hinder the progress of society and the law of the country. This article analyzes the main stages in the South Korean criminal legislation development, its structure, represented by a system of sources (the Criminal Code of the Republic of Korea of 1953, special criminal laws and laws containing separate provisions on criminal liability), as well as some issues of criminality and punishability of acts prohibited by criminal legislation.

The subject of research in this article is the main features of the criminal legislation of the Republic of Korea and the system of its sources, considered in the context of the historical development of the country's national law and certain aspects of legal practice. *The purpose* of the study is to analyze the relevant issues and summarize the findings. *The scientific novelty* of the study is due to the relevance of the chosen subject, as well as the widespread use of South Korean regulatory material, reference to judicial practice and doctrinal works of local authors in the original language.

In the course of the research, formal-legal, historical-legal and comparative-legal *scientific methods* were used. The findings formulated in the article and the research itself have a certain *theoretical significance* and can serve as a basis for further study of the issues of the Republic of Korea criminal law. *The practical significance* of this research lies in the fact that it can be used in the educational process and taken into account in the practical activities of the legislators of the countries concerned.

Keywords: Republic of Korea, criminal law, criminal legislation, sources of law, criminal (penal) code, special criminal law, crime, criminal liability, criminal punishment, comparative law.

Список литературы:

1. Bourgon J. and Roux P.-E. The Chosŏn Law Codes in an East Asian Perspective // *The Spirit of Korean Law: Korean Legal History in Context*. Leiden: Brill, 2016. – P. 19-51.
2. Chang Y.S. Request for Innovation & Development of Military Justice // *Korea Law Review*. 2010. No. 56. – P. 335-360 (на корейском языке).
3. Cho H.-W. The problem and improvement plan of necessary reduction regulations for a deaf-mute in Article 11 of the Criminal Act // *Legislation*. 2018. No. 684. – P. 151-177 (на корейском языке).
4. Han Y.S. A study on the introduction of the new Life-Imprisonment as an alternative punishment to the death penalty // *Korean Journal of Criminology*. 2021. No. 3 (33). – P. 97-126 (на корейском языке).

5. Kim M.S.-H. Constitutional Jurisprudence on Filial Piety in Korea // *Confucianism, Law and Democracy in Korea*. Lanham, M.D.: Rowman & Littlefield International, 2015. – P. 57-80.

6. Ryu P.K. The New Korean Criminal Code of October 3, 1953 – An Analysis of Ideologies Embedded in it // *Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1957-1958. № 48. – P. 275-295.

7. Сабитов Т.Р. Принципы уголовного права стран Дальнего Востока: сравнительно-правовой анализ на примере КНР, Японии и КНДР // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: Право. 2008. № 1 (4). – С. 75-82.

8. Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 томах. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. М.: Наталис, 2011. – 533 с.

References (transliterated):

1. Bourgon J. and Roux P.-E. The Chosŏn Law Codes in an East Asian Perspective // *The Spirit of Korean Law: Korean Legal History in Context*. Leiden: Brill, 2016. – P. 19-51.

2. Chang Y.S. Request for Innovation & Development of Military Justice // *Korea Law Review*. 2010. No. 56. – P. 335-360 (in Korean).

3. Cho H.-W. The problem and improvement plan of necessary reduction regulations for a deaf-mute in Article 11 of the Criminal Act // *Legislation*. 2018. No. 684. – P. 151-177 (in Korean).

4. Han Y.S. A study on the introduction of the new Life-Imprisonment as an alternative punishment to the death penalty // *Korean Journal of Criminology*. 2021. No. 3 (33). – P. 97-126 (in Korean).

5. Kim M.S.-H. Constitutional Jurisprudence on Filial Piety in Korea // *Confucianism, Law and Democracy in Korea*. Lanham, M.D.: Rowman & Littlefield International, 2015. – P. 57-80.

6. Ryu P.K. The New Korean Criminal Code of October 3, 1953 – An Analysis of Ideologies Embedded in it // *Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1957-1958. № 48. – P. 275-295.

7. Sabitov T.R. Printsipy ugolovnoogo prava stran Dal'nego Vostoka: sravnitel'no-pravovoy analiz na primere KNR, Yaponii i KNDR // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Pravo. 2008. № 1 (4). – S. 75-82.

8. Tikhonov V.M., Kan Mangil'. Istoriya Korei: V 2 tomakh. T. 1: S drevneyshikh vremen do 1904 g. M.: Natalis, 2011. – 533 s.

Для цитирования и библиографии: Добряков Д.А. Общая характеристика и система уголовного законодательства Республики Корея // *Право и государство*. 2022. № 1(94). – С. 78-93. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_1_78

Материал поступил в редакцию 21.02.2022.